

История России: с древнейших времен до 1917 года

И.А. Болдов

Филарет (Романов) в событиях 1608–1610 годов

В статье рассматривается деятельность митрополита / нареченного патриарха Филарета (Федора Никитича Романова) в 1608–1610 годах, а также оценки современников личности иерарха в указанное время.

Ключевые слова: Смутное время; Филарет (Фёдор Никитич Романов); Тушинский лагерь; Земский собор 1613 года.

Изучение событий Смутного времени предполагает обращение к проблеме влияния личности на ход истории. Системный кризис, охвативший Россию в начале XVII столетия, привел к слому политических структур. Ставшая нормой смена социальных ролей способствовала выдвиганию на авансцену истории людей, чья судьба при обычном течении жизни могла бы быть и малозаметной. Таковым являлся и Филарет (Федор Никитич Романов), чья персона в отечественной историографии получила неоднозначные, подчас противоположные оценки. Краеугольным камнем в дискуссиях о личности Филарета является «тушинский» период его биографии. В центре внимания данной статьи находится деятельность Филарета (Романова) в период с 1608-го по 1610 год, а также оценки современников личности иерарха в указанное время.

Будучи насильственно постриженным и отправленным в 1601 году царем Борисом Годуновым в Антониев Сийский монастырь, боярин Федор Никитич Романов получил имя Филарет. После свержения династии Годуновых Филарет новым царем Дмитрием Ивановичем в 1605 году был поставлен в митрополиты Ростовские и Ярославские [12: с. 383, 417].

Пленение митрополита Филарета. Осенью 1608 года в самый разгар развернувшейся борьбы между царем Василием Шуйским и Лжедмитрием II митрополит Филарет был пленен ориентировавшимся на «царика» гетманом Яном Сапегой и привезен в Тушино¹. Среди православных иерархов Филарет был

¹ Конрад Буссов сообщает, что Ростов «перестал существовать, все постройки были обращены в пепел, многочисленные великолепные сокровища, золото и серебро, драгоценные

не первым, кого постигла печальная участь пленения. Так, например, вместе с ним в Тушино находился и архиепископ Тверской и Кашинский Феокист. Однако судьбы иерархов сложились по-разному. В конце 1609 года архиепископ Феокист при попытке к бегству был убит [7: с. 96]. Митрополит же Филарет в свою очередь в Тушинском лагере сразу же был обласкан «цариком» и произведен в патриархи². Об изменении (возвышении) статуса также свидетельствует сравнение грамот, вышедших из канцелярии Филарета. Так еще в июне 1607 года Филарет, пересылая послание патриарха Гермогена в Устюг, именуется «великим господином пресвященным Филаретом, Митрополитом Ростовским и Ярославским и Устюжским» [2: с. 166]. Точно так же к нему обращается и «холоп Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Руси» Тренка Сеитов в октябре 1608 года [1: с. 131]. Однако уже в ноябрьском послании к Яну Сапеге, написанном после пленения, он именуется «великим господином пресвященным Филаретом, Митрополитом Ростовским и Ярославским, нареченным Патриархом Московским и всеа Руси» [1: с. 136]. Сам факт написания послания говорит о нестесненном положении Филарета в плену.

Филарет и самозванцы. Стоит отметить, что фигура Филарета (Романова) привлекала самозванцев не единожды. Причин тому несколько. Во-первых, Филарет Никитич как представитель боярского рода Романовых был племянником супруги царя Ивана Грозного Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Не являясь кровным родственником природных государей, он все же символизировал собой родство с правившей в стране династией. И Лжедмитрий I, и Лжедмитрий II, каждый раз приближая к себе опального Филарета и тем подчеркивая «родственную связь» с ним, стремились легитимировать свои притязания на московский трон. Во-вторых, Филарет (Романов) как представитель влиятельного аристократического рода, безусловно, имел возможность оказывать воздействие на процессы, происходящие в верхних эшелонах власти. Сотрудничество с таким человеком служило для самозванцев серьезным политическим подспорьем в их политической борьбе.

При этом отношения в среде правящей элиты для самозванцев складывались на определенном этапе довольно удачно, поскольку каждый из предшественников нового «Дмитрея» в отношении к влиятельному Романову допускал непопустительные стратегические просчеты. Так, например, царь Борис Годунов, обезвреживая прямых конкурентов в борьбе за власть, подверг опале все семейство Романовых. Сохранившиеся сведения о связи рода Отрепьевых с Романовыми позволили В.О. Ключевскому предположить, что самозванец «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве» [5: с. 30].

Несколько по-иному развивались события после свержения Лжедмитрия I. Произведенный Самозванцем в митрополиты Ростовские и Ярославские

камни и жемчуг расхищены, а в церквах были содраны даже ризы со святых» (12 октября 1608 года) [4: с. 154].

² «Дмитрий принял его милостиво и даже сделал его патриархом в подвластных ему землях и городах» [4: с. 154–155].

Филарет при новом, «выкрикнутом» царе Василии Шуйском не лишился своего сана. Даже, более того, был наречен в новые патриархи — вместо низложенного Игнатия Грека. Однако царь Василий в скором времени изменил свой выбор. Новым главой Русской православной церкви стал казанский митрополит Гермоген. Филарет (Романов) был удален на свою прежнюю кафедру [6: с. 198–202]. Можно высказать предположение, что первоначально, назначая Филарета, новый государь стремился заручиться поддержкой конкурирующего в борьбе за власть клана. Однако опасения относительно возможности свержения с трона представителями Романовых все же возобладали над царем Василием. Такая рокировка, оперативно произведенная Василием Шуйским, не могла не оставить следа во взаимоотношениях московской власти и Романова.

Положение нареченного патриарха Филарета. Положение Филарета в Тушино до сих пор оставляет множество вопросов. Во-первых, в каких условиях содержался похищенный архиерей? Насколько свободно, самостоятельно он мог действовать? Во-вторых, какие отношения сложились между Филаретом и Лжедмитрием II, а также между нареченным патриархом и фактически руководителями тушинского правительства (Романом Ружинским и Яном Сапегой, князем Дмитрием Трубецким и Иваном Заруцким)? В-третьих, какими правами и полномочиями, обязательствами как глава церковной организации обладал Филарет, находясь в Тушино? Распространялись ли полномочия Филарета исключительно на дела церковные или же еще и на дела политические? Все эти конкретные вопросы тесно взаимосвязаны.

Источники свидетельствуют о том, что Филарет если и находился в положении пленника, то почетного. Так в «Московской хронике» Конрада Буссова читаем: «Этот митрополит подарил Димитрию второму свой посох, в котором был восточный рубин ценою в бочку золота» [4: с. 155]. Данный отрывок позволяет предполагать наличие между псевдоцарем и псевдопатриархом подчеркнуто вежливых формальных отношений. В духе соблюдения принципа «симфонии властей».

В источниках, вышедших из лагеря второго самозванца, фигурирует упоминание о деятельности при царе Дмитрие освященного собора, который служил инструментом легитимации власти Самозванца, но который, вероятно, состоял из небольшого круга лиц [14: с. 329–331]: самого нареченного патриарха Филарета, патриаршего дьяка Григория Ильича Терпигорева [1: с. 136], патриаршего сына боярского Богдана Корякина [1: с. 177].

Относительно взаимоотношений с князем Д.Т. Трубецким, атаманом И.М. Заруцким и гетманом Р. Ружинским свидетельств не сохранилось. Чуть больше информации источники содержат о связи Филарета и Яна Сапеги. Так, ноябрьская грамота 1608 года содержит просьбу Филарета к Сапеге оказать помощь в освящении Киржачского монастыря, разоренного «воинскими людьми». В грамоте упоминается о переписке Филарета с протопопами из Ростова и Юрьева-Польского [1: с. 136]. Данный документ свидетельствует

о сохранении Филаретом своих полномочий и обязанностей как церковного деятеля, а также о продолжении служения в качестве архиерея на подконтрольной Лжедмитрию II территории. В этой связи деятельность Филарета необходимо оценивать как последовательную и положительную. Однако реализация того или иного решения в условиях продолжавшейся гражданской войны могла быть обеспечена лишь сильной властью. В ситуации описанной выше такой силой являлся гетман Сапега. Такой силой оставался Сапега и в последующие месяцы; именно к нему адресованы челобитные монаха Левкия Смагина [1: с. 153–154], архимандрита ярославского Спасского монастыря Феофила [1: с. 158–160], отписка игумена Калязинского монастыря Феодосия [1: с. 240–241], челобитная игумена Адриановой пустыни Вассиана [1: с. 278].

Нареченный патриарх Филарет и бегство Лжедмитрия II в Калугу. Конец осени 1608 года ознаменовался началом распада тушинского лагеря. И русская, и польско-литовская части тушинского лагеря связывали с именем Лжедмитрия II свои надежды на улучшение материального положения в будущем. Однако запертые изнутри московские ворота и начавшееся в северных районах земское движение наглядно демонстрировали наемникам всю бесперспективность их связи с Самозванцем. На позиции наемников из Речи Посполитой оказало влияние и готовившееся вторжение в Россию польских коронных войск: расправившись с оппозицией внутри Речи Посполитой, король Сигизмунд III вернулся к идее открытого вторжения в ослабленное смутой Русское государство.

Специально рассылавшиеся королевские универсалы призывали всех польских дворян под знамена коронного войска. Отказ грозил серьезными санкциями — статусом государственного изменника и лишением всех земельных владений в Речи Посполитой. Иноземцы, таким образом, попали в двойственное для себя положение: возможные в будущем репрессии подталкивали, с одной стороны, вернуться как можно скорее на службу к королю, жажда добычи, с другой, подтачивала корыстные намерения остаться в лагере Самозванца и все же заполучить «заслуженное». Метания иностранной части повстанцев еще более дестабилизировали обстановку в Тушино. В такой ситуации ценность «царика» как политической фигуры резко уменьшилась. Над Лжедмитрием II нависла угроза публичного разоблачения и смертной казни. Опасаясь за свою жизнь, Лжедмитрий II 27 декабря 1608 года бежал с верными ему людьми в Калугу. Номинально тушинский лагерь продолжал существовать (вплоть до ухода оттуда последних отрядов самозванческого войска в начале марта 1610 года), однако реально, некогда единый, он «приказал долго жить» уже в начале 1609 года.

С бегством «царика» в Калугу положение Филарета должно было измениться существенным образом. С одной стороны, лишившись непосредственного покровителя, Филарет мог и сам в скором времени стать лишней,

неудобной фигурой. С другой стороны, Филарет, сохраняя статус нареченного патриарха, оставался важным инструментом для оказания влияния на ход дел в замосковных городах. Была и иная альтернатива, связанная с усилением значимости Филарета в Тушино, с выдвижением на первый план не патриаршего статуса, а статуса представителя влиятельной аристократической фамилии. Хроника Конрада Буссова³, а также текст присяги подмосковных бояр от 29 декабря 1609 года [10: с. 54–55] свидетельствуют о том, что судьба Филарета складывалась не по первому сценарию — в указанных текстах отсутствуют сведения об ухудшении положения нареченного патриарха.

Нареченный патриарх Филарет и приглашение королевича Владислава. Последние упоминания имени Филарета в качестве нареченного патриарха связаны с переговорами тушинских бояр под Смоленском в самом начале 1610 года с королем Сигизмундом III о приглашении на московский престол королевича Владислава. Провал ставки на второго самозванца, восстановление московским правительством контроля над северо-восточными районами Русского государства, осада польскими войсками Смоленска, вероятно, вызвали у тушинских бояр опасения за свою судьбу. Предложение с альтернативным вариантом развития дальнейшей карьеры последовало в самом конце 1609 года от польского короля: «...до людей наших Польских и Литовских, которые под Москвою стоят» отправились королевские послы Станислав Стадницкий, князь Крыштоф Збаражский, Януш Тишкевич-Скумин [10: с. 52]. Но переговоры под Москвой велись не только с польско-литовской частью тушинского лагеря, но и с оставшейся русской. Последние сформулировали ответ, в котором выразили готовность служить королевичу Владиславу (сыну короля Сигизмунда III). Однако оговаривалось, что окончательное решение об утверждении Владислава в качестве нового государя должно приниматься Земским собором [10: с. 53–54].

В январе 1610 года уже под Смоленск из таборов направилась ответная делегация во главе с тушинскими боярами Михаилом Глебовичем и Иваном Михайловичем Салтыковыми, князем Василием Михайловичем Масальским и дьяком Иваном Тимофеевичем Грамотиным. В ходе нового витка переговоров 4 (14) февраля был заключен договор о приглашении на московский трон Владислава. Важно то, что и в ответе Сигизмунду III после приезда Стадницкого, Збаражского и Тишкевича и в смоленском соглашении фигурирует имя митрополита Ростовского и Ярославского, нареченного патриарха Филарета как одного из тех, кто принимал участие в составлении вышеуказанных документов. Возникают вопросы. Принимал ли реально Филарет участие

³ «На другой день после того, как Димитрий второй убежал из лагеря, поляки и московитские князья и бояре вместе с патриархом Федором Никитичем, который был у них в лагере, созвали собор и совет о том, что теперь делать, когда Димитрий сбежал. Они все поклялись быть в дружбе друг с другом, а также не переходить ни к польскому королю, ни к Шуйскому, а если явится кто-либо, кто будет выдавать себя за Димитрия, не верить ему и не признавать его, а тем более не принимать обратно его самого» [4: с. 163].

в данном процессе или же его имя и статус просто были использованы боярами для придания легитимности собственным действиям? Если принимал, то в чем именно? Источники в полной мере не проливают свет и на эти вопросы. Вполне вероятно, что Филарет как представитель духовенства, руководитель тушинского освященного собора приложил руку к составлению тех пунктов соглашения, которые относятся к конфессиональным и церковно-административным проблемам. В частности, статьи о принятии королевичем Владиславом православия, о неизменности православного вероисповедания в России, о неизменности традиции почитания мощей святых и невмешательстве в дела Церкви, о сохранении неприкосновенности прав собственности церковью и монастырями [10: с. 64–65].

Через несколько месяцев Филарет (в статусе только митрополита) будет вместе с князем Василием Васильевичем Голицыным направлен гетманом Станиславом Жолкевским послом от московского правительства к королю Сигизмунду для подписания окончательного соглашения об избрании царем Владислава. В своих записках С. Жолкевский утверждал, что к королю были высланы «те лица, которые имели притязания на царство» [8: с. 146–147]. Гетман отмечал, что в то время подавляющая часть духовенства (за исключением патриарха) склонялась к князю Василию Голицыну, тогда как московский люд, придерживаясь мнения Гермогена, склонялся к кандидатуре молодого Михаила Федоровича Романова, сына Филарета. Самого Михаила по причине небольшого возраста брать в посольство оказалось невозможным, зато в качестве заложника на случай непредвиденной ситуации был взят его отец [8: с. 126–127, 146–148]. Станислав Жолкевский, собиравший информацию о политических настроениях в Москве, не увидел активного участия Филарета в деле приглашения на царство королевича Владислава и соответственно связи между его (гипотетическим) участием в заключении Смоленского и Московского договоров. Скорее, опираясь на текст «Рукописи Жолковского», можно подозревать Филарета в принятии мер по утверждению на троне династии Романовых. Посольство выехало из столицы 11 сентября 1610 года и прибыло под Смоленск 7 октября [12: с. 576]. Из этой поездки Романов вернулся лишь в 1619 году.

Нареченный патриарх Филарет и московское правительство. Источники не позволяют в полной мере пролить свет на отношение московских властей на пребывание митрополита Филарета в тушинском лагере. Более того, имеющаяся в распоряжении исследователей информация позволяет предполагать неоднозначность отношения Москвы к Филарету (Романову) как нареченному патриарху.

Сохранившиеся разрядные записи содержат в себе различные формулировки относительно событий, произошедших вблизи Иосифо-Волоколамского монастыря весной 1610 года. Одна из записей зафиксировала: «Того ж году ис Тушина пошел пан ятман княз Роман Ружинской, Поляки и Литва, а в Осифове монастыре оставили пана Рудсково с Полскими и Литовскими людьми,

а святейший митрополит Филарет был оставлен в Осифове же монастыре. И царь Василей послал под Осифов монастырь воеводу Григорья Левонтьева сына Волуева, и, послыша Рутцкой государевых людей, пошел из Осифова монастыря ночью со всеми людьми с Литовскими и с Рускими. И воевода Григорей Волуев дождался их на дороге, и Рудцково побил, и живых многих поимал, и святейшего митрополита отполонил; а с сеунчом прислал к царю Василью от себя князь Тимофея Телицу Оболенского Черново» [3: с. 165]. То же самое событие, но в другом разряде: «Того ж году мая в 4 день пригнал с сеунчом от воеводы от Григорья Волуева из Осипова монастыря Пусторжевца князь Тимофей князь Иванов сын Оболенской, что Литву побили и языки поимоли многия, и Филорета митрополита полонил, и многих изменников поимоли» [3: с. 256].

Цитируемые записи, во-первых, позволяют выделить различное отношение официальных лиц к личности Филарета: по первой записи — сочувственное, как к жертве Смутного времени («отполонил» — освободил своего), по второй — равнодушное, как к коварному авантюристу («полонил» — захватил чужого)⁴. Во-вторых, на основании сравнения данных документов можно уточнить обстоятельства и датировку освобождения/пленения иерарха: князь Т.И. Оболенский с сеунчем (победной вестью) прибыл в стольный град 4 мая. Следовательно, бой под Иосифовым монастырем случился ранее (вероятно, в самом конце апреля или начале мая), а приезд Филарета в Москву — позднее указанной даты. После неудачи в ночном бою Бартош Руцкой отступил обратно к монастырю; обитель освобождена иностранными наемниками 11 (21) мая 1610 года [9: стб. 190].

Официальная позиция московских властей относительно пребывания Филарета (Романова) в Тушино содержится в воззвании Патриарха Московского и всея Руси Гермогена: «Сие же слово не ко всем пишем, но к тем, которые, забыв смертный час и страшный суд Христов и преступив крестное целование, отъехали, изменив Царю Государю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русии, и всей земле, и своим родителем, и женам своим, и детям, и всем своим ближним, паче же и Богу» [2: с. 288]. В послании архиерей призывает всех к единству и прекращению распрей. Гермоген четко выделяет среди тех, кто целовал крест «царику», две категории людей: 1) те, кто по своей воле отъехали от Москвы; 2) те, кто подчинился Самозванцу «не своею волею, но нужею». В качестве примера человека из второй категории патриарх приводит имя митрополита Филарета [2: с. 288]. Однако содержание данной грамоты, датированной издателями 1611 годом, оставляет для исследователей большое пространство для высказывания различных мнений. Соответствовала ли изложенная патриархом оценка истинному настроению в московском

⁴ В.И. Ульяновский в работе «Смутное время» рассматривает оценки современников о Филарете (Романове) с точки зрения антиномии «прямой – кривой». По мнению исследователя, поведение архиерея «не делало его (Филарета. — прим. И.Б.) до конца “прямым”, но и уберегало от ярлыка “кривизны”» [15: с. 144].

правительстве? Источники не дают возможность в полной мере осветить и этот вопрос. Кроме того, как видно выше из разрядных записей, единство мнений вряд ли могло быть.

Все же если представить, что взгляд Гермогена на пребывание Филарета в Тушино был неизменным на протяжении всех лет с момента пленения последнего, то можно предположить существование двух подходов. Во-первых, правительство царя Василия Шуйского действительно воспринимало Филарета как жертву смуты, но не как изменника. Во-вторых, правительство царя Василия Шуйского безотносительно к жизни и деятельности самого Филарета, но с использованием его имени развернуло с конца 1608 года пропаганду. Тезисы: митрополит Ростовский и Ярославский не сподвижник воров, а их пленник — единство церковно-территориальной организации под контролем Москвы сохраняется; Романов есть пленник Самозванца — раскол в среде московской аристократии отсутствует, царем признается Василий Шуйский; Филарет не по своей воле оказался в Тушино — те из дворян и детей боярских, кто находится в таком же положении, что и Филарет, могут обратиться к царю Василию без опасения опалы. Высказанные предположения так и остаются предположениями. Но степень вероятности их существования весьма высока, поскольку по ходу гражданской войны царю Василию Ивановичу неоднократно приходилось разыгрывать хитроумные пропагандистские комбинации [11: с. 119–121, 134–135].

Федор Романов и Земский собор 1613 года. С тушинским периодом жизни Филарета, вероятно, связано еще одно знаковое в истории нашей страны событие — Земский собор 1613 года и избрание на царство Михаила Федоровича Романова. Среди источников, повествующих о январских и февральских днях 7121 года, важное значение имеет «Повесть о Земском соборе 1613 года». В ней неизвестный очевидец произошедшего рассказывает о решающем влиянии казаков на ход избирательного процесса и на окончательное утверждение Михаила Романова в качестве царя. При этом особо подчеркивается, что решающее влияние имела не родственная связь в принципе, какая существовала между Михаилом и его находившимся в Москве и более старшим дядей Иваном Никитичем Романовым⁵, а именно связь между отсутствовавшими в столице отцом и сыном Романовыми. Та же самая «Повесть» вскрывает отнюдь не сентиментальные причины данного подхода казаков: «Но по Божии воли и по благословию благовернаго и благочестиваго, и христоролюбиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Росии князю Феодору Никитичю Романова» [13: с. 95]. Исследователи предполагают, что история с передачей посоха царем Федором Ивановичем является легендой [6: с. 150–151].

⁵ Кроме того, Иван Никитич числился ни много ни мало четвертым претендентом на царский венец. Сразу вслед за князьями Ф.И. Мстиславским, И.М. Воротынским и Д.Т. Трубецким [13: с. 94].

Где и при каких обстоятельствах казаки могли почерпнуть данную легенду? В.О. Ключевский высказал следующее мнение: «Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын вора был поставлен на конкурс несерьезно» [5: с. 58–59]. Самого Филарета он считал ставленником обоих самозванцев («получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго» [5: с. 58]). Таким образом, историк предполагал, что Филарет исправно служил самозванцам, тем самым вольно-невольно став союзником казаков. Защищая свои интересы на Соборе 1613 года, казаки среди кандидатов искали именно союзника. Среди всех прочих таковым оказался благодаря биографии отца молодой Михаил Романов. Выше процитированная легенда, бытовавшая в казачьей среде, послужила идеологическим основанием для выдвижения отпрыска Федора Никитича Романова.

Итоги. Источники фиксируют пленение ростовского митрополита Филарета отрядом Яна Сапеги осенью 1608 года. В Тушинском лагере архиерей имел сан нареченного патриарха. Приближение «царем Дмитрием Ивановичем» Филарета обусловлено принадлежностью последнего к знатному боярскому роду, связанному матримониальными узами с династией московских государей. В Тушино между псевдоцарем и псевдопатриархом сложились по меньшей мере подчеркнута вежливые формальные отношения. В Тушино Филарет возглавлял освященный собор, о составе и деятельности которого известно немного. Источники фиксируют участие нареченного патриарха в осуществлении церковно-административной деятельности на территории Русского государства, подконтрольной Лжедмитрию II. Однако из-за продолжавшейся в России гражданской войны фактическое управление церковными делами на указанной территории осуществлял гетман Ян Сапега. С началом распада Тушинского лагеря, бегством Самозванца в Калугу положение иерарха, вероятно, не изменилось. Имя Филарета упоминается в тексте Смоленского соглашения 4 (14) февраля 1610 года, но подтверждения его активного участия в деле приглашения тушинскими боярами королевича Владислава на московский трон, как и в политической деятельности тушинского правительства в целом, источники не дают. Вероятно, Филарет мог принимать участие в деле составления статей, касающихся конфессиональных и церковно-административных проблем. Также отсутствуют свидетельства относительно поддержки митрополитом кандидатуры Владислава в переговорном процессе между польским и московским правительствами летом 1610 года. На основании «Рукописи Жолкевского» можно предположить, что Филарет (Романов) после возвращения из плена (весна 1610 года) выступал за избрание на царство своего сына Михаила. Отношение московского правительства к пребыванию Филарета в Тушино прослеживается неявно. Информация, заключенная в разрядных записях, позволяет предполагать существование в Москве

различных взглядов на фигуру нареченного патриарха. В своем послании патриарх Гермоген оценивает пребывание Филарета в Тушино как плен. Однако ретроспективный взгляд на характер и содержание грамот царя Василия Шуйского и патриарха Гермогена 1606–1607 годов дает основание утверждать, что данная характеристика не что иное, как пропагандистский ход правительства. С пребыванием Филарета (Романова) в Тушино, вероятно, связаны и политические устремления казачества в период деятельности Земского избирательного собора 1613 года.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. 473 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 2. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. 416 с.
3. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Типография Штаба Московского военного Округа, 1907. 352 с.
4. Буссов Конрад. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 400 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 3: Курс русской истории. Ч. 3. М.: Мысль, 1988. 415 с.
6. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 470 с.
7. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссии. Т. 14. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 158 с.
8. Рукопись Жолкевского. М.: В Университетской Типографии, 1835. 362 с.
9. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 1. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. 433 с.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 142. М.: б. и., 1913. 802 с.
11. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 255 с.
12. Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 4. История России с древнейших времен. Т. 7–8. М.: Мысль, 1989. 752 с.
13. Станиславский А.Л., Морозов Б.Н. Повесть о Земском соборе 1613 года // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.
14. Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
15. Ульяновский В.И. Смутное время. М.: Европа, 2006. 448 с.

Literatura

1. Akty' istoricheskie, sobranny'e i izdanny'e Arxeograficheskoy komissiej. Т. 2. SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1841. 473 s.

2. Akty', sobranny'e v bibliotekax i arxivax Rossijskoj Imperii Arxeograficheskoj e'kspediciej Imperatorskoj akademii nauk. T. 2. SPb.: V Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1836. 416 s.
3. *Belokurov S.A.* Razryadny'e zapisi za Smutnoe vremya (7113–7121 gg.). M.: Tipografiya Shtaba Moskovskogo voennogo Okruga, 1907. 352 s.
4. *Bussov Konrad.* Moskovskaya xronika. 1584–1613. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 400 s.
5. *Klyuchevskij V.O.* Sochineniya: v 9 t. T. 3: Kurs russkoj istorii. Ch. 3. M.: My'sl', 1988. 415 s.
6. *Platonov S.F.* Oчерки po istorii Smuty' v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. Opy't izucheniya obshhestvennogo stroya i soslovny'x otnoshenij v Smutnoe vremya. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1995. 470 s.
7. Polnoe sobranie russkix letopisej, izdannoe po Vy'sochajshemu poveleniyu Arxeograficheskoj komissii. T. 14. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. 158 s.
8. Rukopis' Zholkevskogo. M.: V Universitetskoj Tipografii, 1835. 362 s.
9. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoj Arxeograficheskoj komissiej. T. 1. SPb.: Pечатnya V.I. Golovina, 1872. 433 s.
10. Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva. T. 142. M.: b. i., 1913. 802 s.
11. *Skry'nnikov R.G.* Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov. L.: Nauka, 1988. 255 s.
12. *Solov'yov S.M.* Sochineniya: v 18 kn. Kn. 4. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. T. 7–8. M.: My'sl', 1989. 752 s.
13. *Stanislavskij A.L., Morozov B.N.* Povest' o Zemskom sobore 1613 goda // Voprosy' istorii. 1985. № 5. S. 89–96.
14. *Tyumencev I.O.* Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II. M.: Nauka, 2008. 686 s.
15. *Ul'yanovskij V.I.* Smutnoe vremya. M.: Evropa, 2006. 448 s.

I.A. Boldov

Filaret (Romanov) in the Events of 1608–1610

The article discusses the activities of the metropolitan (elected to the patriarchate) Filaret (Feodor Nikitich Romanov) in 1608-1610, as well as the assessment of his contemporaries of the personality of the hierarch in the specified time.

Keywords: Time of Troubles; Filaret (Fedor Nikitich Romanov); Tushino camp; Zemsky Sobor of 1613.